

СЕРИЯ 4 . СПАСТИ ГОСУДАРЯ

СЦЕНА 1. ТОБОЛЬСК. УЛИЦА СВОБОДЫ, ГУБЕРНАТОРСКИЙ ДОМ. С последних событий прошло полтора месяца – начало января 1918-го года.

Тобольск. Губернаторский дом. 1918-й год.

С начала сцены тихо звучит хоровое пение «Варшавянки»:

*Нам ненавистны тиранов короны,
Цепи народа-страдальца мы чтим.*

Камера издалека показывает бывший Губернаторский дом, огороженный трёхметровым частоколом. Вдоль него, снаружи, идут солдаты охраны с винтовками на плечах – смена караула. Пение звучит громче:

*Кровью народной залитые троны,
Кровью мы наших врагов обагрим!*

Камера скользит по дому и останавливается на углу, где на соседнем здании прибита табличка с надписью от руки: «Улица Свободы». Пение звучит очень громко:

*Смерть беспощадная всем супостатам!
Всем паразитам трудящихся масс!
Мицень и смерть всем царям-плутократам!
Близок победы торжественный час.*

Камера приближается к дому. Пение затихает, и начинают звучать стихи:

*Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.*

На балконе смутно видны ИМПЕРАТОР и ЦЕСАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ в шинелях и папахах. Звучат стихи:

*Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.¹*

Снова показываются частокол и солдаты.

СЦЕНА 2. МОСКВА. КАБИНЕТ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНЫ НА ТРОИЦКОМ ПОДВОРЬЕ В МОСКВЕ. Начало января 1918-го года.

Троицкое подворье в Москве.

Большая, скромно обставленная комната. В Красном углу – киот. У окна письменный стол. Вдоль двух стен – книжные шкафы, видны корешки книг. У третьей – кожаный диван. На нём сидит ПАТРИАРХ ТИХОН. Он в подряснике и скромной скуфейке, имеет вид простого монаха. Перед ним ходит по комнате ЕПИСКОП НЕСТОР, тоже в подряснике.

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Принесли мне, владыка Нестор, из типографии вашу книгу об осквернении кремлёвских святынь... Кровь в жилах стынет! Надо распространить её как можно шире. Может, увидев эти кощунства, многие одумаются...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Книга-то книгой, но одна книга не спасёт. Надо действовать!*

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Да-да... Однако то, что вы предлагаете, может поставить под удар всю Церковь.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Помнится, один из наших владык так и сказал: «Не хватай за головы псов дерущихся», чтобы самому не пострадать от злобы их».*

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Я не об этом... Я о том, что как бы нам не остаться в одиночестве. Ведь в феврале, когда Государь отрёкся от престола, множество народа радовалось...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *В феврале, Ваше Святейшество, это – в феврале. А уж год прошёл. И ой как многие схватились за голову. Да и тогда мало кто думал о конце монархии. Только самые отчаянные жаждали всё разрушить... Большинство мыслило как? – Этот царь уйдёт – придёт другой, лучший...*

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Да-да... И в клире, и в пастве слышал такие разговоры.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Теперь пожили при «свободах»! И как? Понравилось?*

¹ С.С. Вехтеев «Молитва».

ПАТРИАРХ ТИХОН. Упились, совсем упились вином свободы... Многие раскаялись, но уже не вернёшь...

ЕПИСКОП НЕСТОР. Почему не вернёшь? Вернёшь! И ещё одно изменилось – Церковь наша Православная. Она обрела единого предстоятеля – вас, Ваше Святейшество. И если вы объявите отречение Императора аки не бывшее, то во многих сердцах ваше слово отзовется!

ПАТРИАРХ ТИХОН. А что сам Государь?

ЕПИСКОП НЕСТОР. Полагаю, за этот год и он много изменился. Через муки прошёл душевные, через предательство прошёл иудино, через пленение вавилонское. Увидел, что творится с Россией после его отречения... Сношений с ним у меня пока нет, но скоро будут. Если вы, Ваше Святейшество, благословите, пошлю в Тобольск надёжных людей.

ПАТРИАРХ ТИХОН. Ох, задали вы мне задачу, владыка Нестор!

Встаёт с дивана, подходит к образам и крестится.

Святейший Патриарх ТИХОН.

ПАТРИАРХ ТИХОН (шёпотом). Господи, вразуми грешного раба Твоего Тихона!

После некоторой паузы вынимает из киота икону «Утоли моя печали» и благословляет ею епископа Нестора, тот целует икону.

ПАТРИАРХ ТИХОН. Вас, владыка, благословляю на дерзание ваше во спасение Святой Руси. А вы этой иконой воинов своих благословите.

Патриарх заворачивает икону в плат и передаёт владыке Нестору. Тот бережно принимает её и прячет в портфель.

ПАТРИАРХ ТИХОН. Помолимся, владыка Нестор.

Оба встают на колени перед киотом и читают тропарь Животворящему Кресту:

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверному Императору нашему Николаю Александровичу на сопротивных даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

Камера, всё удаляясь, показывает сзади две коленапреклоненные монашеские фигуры. Слышен тихий, едва различимый, благовест.

Сцена 3. МОСКВА. КУРСКО-НИЖЕГОРОДСКИЙ ВОКЗАЛ. Начало января 1918-го года.

Вечер. На привокзальной площади около извозничьего экипажа прохаживается ГЛЕБ в коротком полушубке и меховой шапке. Из здания вокзала выходит СОКОЛОВ. Он в чёрном длинном пальто с белым кашне, на голове – шляпа, в руке – небольшой чемодан. Глеб машет рукой, Соколов направляется к нему. Обнимаются.

Курско-Нижегородский вокзал в Москве.

ГЛЕБ. *Костя, прыгай быстрее в экипаж, у нас совсем нет времени!*

СОКОЛОВ. *Поезд жутко запоздал, стояли у каждой сосны.*

Соколов пристраивает чемодан, садится в экипаж вслед за Глебом. Извозчик трогает.

ГЛЕБ (извозчику). *На Арбат, Большой Николопесковский!*

СОКОЛОВ. *Как там Варя?*

ГЛЕБ. *Да всё хорошо. Ждёт тебя.*

СОКОЛОВ. *Хочу у батюшки вашего руки её просить.*

ГЛЕБ. *Вот как!*

СОКОЛОВ. *Вот так...*

ГЛЕБ. *Свойственниками теперь будем! Кстати, и меня Талочка под аналой ведёт.*

Значит, два венчания сразу!

СОКОЛОВ. *Прекрасно! Но об этом после... Лучшие расскажи, что такое случилось? Что за спешность? И куда мы едем?*

ГЛЕБ. *К владыке Нестору. Это он просил тебя вызвать. Он всё и расскажет, я сам толком не знаю.*

Извозчик едет по вечерней Москве.

СЦЕНА 4. МОСКВА. БОЛЬШОЙ НИКОЛОПЕСКОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК. КВАРТИРА ПРИСЯЖНОГО ПОВЕРЕННОГО ПОЛЯНСКОГО.

Большой кабинет, заставленный громадными полками с книгами церковного содержания. Письменный стол, несколько больших кресел. В них сидит ЕПИСКОП НЕСТОР, ГЛЕБ, СОКОЛОВ. Они тихо переговариваются между собой.

ЕПИСКОП НЕСТОР (Соколову, улыбаясь). *Уже не грезите, ротмистр, «общими идеалами»?*

СОКОЛОВ. *Не напоминайте, владыка. Сам не понимаю, что со мной было. Будто дьму какого-то напустил Чёрный полковник. Морок... Гипноз...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Это не гипноз, а наваждение.*

СОКОЛОВ. *Следа не осталось. Самому теперь смешно вспоминать.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Тут не до смеха... Я и не сомневался в вас, ротмистр, иначе не позвал бы сюда.*

ГЛЕБ (достаёт часы). *Хозяин наш куда-то исчез...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Ничего, придёт. Подождём. Полянский человек немного странный. Вы не обращайтесь особого внимания на нервность и суетность Владимира Сергеевича. Смеею заверить, что он человек, искренно преданный Государю. Кроме того, он всем ведаёт – в нашем предприятии задействованы очень серьёзные люди.*

Входит хозяин дома – присяжный поверенный ПОЛЯНСКИЙ. Ему около 50-ти лет, высокий, худой, глубокие залысины, весь соткан из нервов, постоянно потирает руки.

ПОЛЯНСКИЙ. *Прошу извинить меня за некоторую задержку. Срочный телефонный разговор. Ну-те-с, мы все уже успели познакомиться, поэтому – сразу к делу: надо спасти Государя!*

СОКОЛОВ (тихо). *Ничего себе дело...*

ПОЛЯНСКИЙ (ходит по комнате, чуть припрыгивая). *Да, да, тысячу раз – да!!! Медлить нельзя – он в опасности! Наша цель – возстановить монархию, изгнать большевиков, довести до победного конца войну, наладить порядок в стране.*

СОКОЛОВ (тихо Глебу). *Какой-то фантастический винегрет...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Погодите, погодите, Владимир Сергеевич, вы прямо водопад обрушили на офицеров.*

(Офицерам.)

На самом деле всё не так сумбурно...

ПОЛЯНСКИЙ (перебивая). *Мы уже несколько месяцев, ещё до большевицкого переворота, прощупываем почву для вызволения Императора из плена египетского. Теперь пришёл черёд активных действий. Наш час пробил!*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Владимир Сергеевич, опять вы торопитесь. Дайте людям прийти в себя.*

(Офицерам.)

Нам сейчас важно узнать ваше, братья, принципиальное решение: вы согласны принять участие в сем мероприятии?

СОКОЛОВ. *Я – монархист. И я готов. Хотя плохо представляю, как это осуществить. Однако ваше участие, владыка, для меня – залог чистоты намерений. Повторяю, я готов.*

ГЛЕБ. *Я, разумеется, тоже.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Ну вот и славно.*

В прихожей раздаётся звонок в дверь, Полянский идёт открывать.

СЦЕНА 5. ТОБОЛЬСК. УЛИЦА СВОБОДЫ.

Зимнее воскресное утро. На правой стороне улицы – ворота городского сада, на левой – храм Благовещения Пресвятой Богородицы. Вся улица от сада до храма перегорожена двумя густыми цепями стрелков охраны. За этими цепями – толпа разного народа. Звучит громкий благовест. Из ворот сада появляется Августейшая семья. Впереди идут ИМПЕРАТОР (в теплой черкеске без погон), ЦЕСАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ (в шинели, башлык закрывает погоны). ИМПЕРАТРИЦУ везёт в кресле КАМЕРДИНЕР ВОЛКОВ. Далее следуют ВЕЛИКИЕ КНЯЖНЫ. При появлении Императорской семьи толпа оживляется: кто-то крестится, кто-то грозит кулаком, кто-то встаёт на колени. Старушка пытается пройти через цепь, протягивая корзинку с яйцами, её отстраняет стрелок. Из толпы слышатся выкрики и разговоры.

Тобольск. Благовещенский храм (уничтожен).

МУЖЧИНА В ДЛИННОМ ПАЛЬТО (густым басом). *Государю и его семейству – многая лета!*

1-я МЕЩАНКА (обращаясь ко второй). *Только наследник похож на Императрицу, а из дочерей ни одна – ни на его, ни на её.*

ПЬЯНЫЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ (орёт). *Царь Николашка, жена его Сашка!*

2-я МЕЩАНКА (обращаясь к первой). *А чвой-то княжны подстрижены, как мальчики?..*

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. *Страдальцы, храни вас Господь!*

3-я МЕЩАНКА. *Какие роскошные воротники-то у княжон – черно-бурые лисицы. Поди, трильоны стоят.*

РАБОЧИЙ В ПЕРВОМ РЯДУ (размахивая картузом). *Да здравствует русская революция!*

СОЛДАТ В ФОРМЕ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ДРАГУНСКОГО ПОЛКА (обращаясь к рабочему). *Как дураком ты был, так дураком и помрёшь. Нешто не видишь: никакого порядку не стало, одно безобразие... без царя не обойтись, надо назад поворачивать.*

Августейшая семья входит в храм. Стрелки закрывают двери и выставляют караул.

СЦЕНА 6. КАБИНЕТ ПОЛЯНСКОГО.

ПОЛЯНСКИЙ вводит в кабинете полковника ЛИХАЧЁВА.

ПОЛЯНСКИЙ. Полковник Леонид Осипович Лихачёв назначен военным руководителем всего дела.

Лихачёв подходит под благословение ЕПИСКОПА НЕСТОРА, здоровается с СОКОЛОВЫМ и останавливается перед Глебом.

ЛИХАЧЁВ (пожимая руку Глебу). А, старый знакомый, гусар. Архангельский, кажется?

ГЛЕБ. Так точно. Господин полковник, не успел перед вами оправдаться: я ведь достал тогда тягачи, но было поздно.

ЛИХАЧЁВ. Не в чем оправдываться, поручик, артиллерийские мастерские захватили вечером того же дня, когда мы с вами и с вашей прелестной спутницей виделись. Рябцеву надо было раньше думать... Именно из тех самых орудий, о которых я тогда говорил, и разстреливали Кремль, они и решили исход сражения за Москву. Ну да ладно... Видно, так Господь повелел...

Современный вид дома №3 по Большому Николопесковскому переулку, где находилась квартира В.С. Полянского.

ПОЛЯНСКИЙ (нервно расхаживая по комнате). Господа, прошу меня простить, но давайте перейдём к делу.

ЛИХАЧЁВ. Да, конечно, начнём. Силы кое-какие у нас есть, но обстановка в Тобольске мало понятна.

ПОЛЯНСКИЙ. Но ведь братья Раевские, посланные туда, сделали свой доклад.

ЛИХАЧЁВ. Сделали, господин Полянский, однако, этот доклад сильно отдаёт романами Дюма или Жюль Верна.

ЕПИСКОП НЕСТОР. Действительно, эти мальчики строят совершенно фантастические планы.

ЛИХАЧЁВ. Извините, но я повторяю: мы, находясь в Москве, положение дел в Тобольске представляем плохо. Заранее предрешать ничего нельзя. План составит не здесь, а на месте. В первую голову надо произвести разведку.

(Офицерам.)

Владыка Нестор порекомендовал для этого дела вас.

СОКОЛОВ. Мы уже высказали владыке свою готовность.

ЛИХАЧЁВ. Замечательно. Тогда о задачах.

(Соколову.)

Вам, ротмистр, необходимо разведать всё, что касается дома Государя: численность охраны, расположение её и постов.

(Глебу.)

Поручик Архангельский, на вас возлагается сбор сведений о перевозочных средствах, местах подстав, разведка на случай захвата телеграфа, а также вхождение в связь с местными монархическими организациями. Есть вопросы по этой части дела?

СОКОЛОВ. Вроде, всё ясно.

ЛИХАЧЁВ. Хорошо. Отъезд через пять дней. Деньги, билеты, обмундирование получите в день отъезда. Встречаемся в десять утра в лазарете на Яузском бульваре.

(Протягивает Соколову записку.)

Вот адрес.

Епископ Нестор встаёт, берёт со стула свой портфель, вынимает сверток, разворачивает и вынимает икону.

Икона Божией Матери «Утоли моя печали».

ЕПИСКОП НЕСТОР (держит икону перед собой). *Этим образом «Утоли моя печали» благословил меня Святейший Патриарх. Этим образом и я благословляю вас, братья.*

Полянский, Лихачёв, Соколов, Глеб становятся на колени, владыка благословляет.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Спасти человека от смерти – Божье дело. А вам Господь определил не только человека спасать, но и всю Русь православную. Молюсь и молиться буду за вас!*

Владыка обнимает всех четверых.

СЦЕНА 7. УЛИЦА АРБАТ.

По вечернему Арбату идут СОКОЛОВ и ГЛЕБ.

СОКОЛОВ. *Что скажешь?*

ГЛЕБ. *Сначала совсем тошно было...*

СОКОЛОВ. *Да, я тоже чуть с ума не сошел от сусальных речей этого Полянского. Никогда не думал, что буду иметь дело с адвокатами.*

ГЛЕБ. *Да Господь с ним, с Полянским. Полковник-то дело говорил.*

СОКОЛОВ. *Да, всё кратко, ясно, спокойно. Но главное для меня – слово владыки. Всё держится на нём. Ему я верю и пойду куда он скажет.*

ГЛЕБ. *А у нас есть выбор? Мы же никогда себе не простим, если с Государем что-то случится, а мы тут будем сидеть сложа руки. Да и что тут делать? От патрулей шарахаться да от арестов скрываться? Лучше уж тонуть в море, чем в грязной луже!*

СОКОЛОВ. *Умри, Денис, лучше не скажешь!*

СЦЕНА 8. МОСКВА. ЯРОСЛАВСКИЙ ВОКЗАЛ. Через 5 дней.

На платформе огромная толпа разного народа (в основном, демобилизованные солдаты) ломится в поезд. Среди них СОКОЛОВ и ГЛЕБ. Они в солдатских шинелях, папахах, с заплечными мешками, небритые. Яростно толкаясь локтями, берут штурмом вагон и занимают одну верхнюю полку на двоих. Вагон набивается битком, в отделение втискивается около тридцати человек. Поезд очень медленно трогается под крики «Крути, Гаврила!» и оглушительный свист.

Ярославский вокзал в Москве.

СЦЕНА 9. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВАГОН.

Ночь. Медленно едет поезд (показывается снаружи). В вагоне полутемно (тусклый свет идёт из коридора), окно выбито, в него выходит табачный дым. СОКОЛОВ и ГЛЕБ в шинелях лежат на верхней полке. Солдаты внизу толкаются, перебраниваются. РЫЖИЙ СОЛДАТ вытягивается и поворачивается к полке, где разместились офицеры. Пристально смотрит, наклоня голову в разные стороны.

РЫЖИЙ СОЛДАТ. *Хлопцы! Так то ж не солдаты! По всему видать – офицерье переодетое! Я давно заприметил.*

ГЛЕБ (шёпотом). *Влипли!*

СОКОЛОВ. *Лежим спокойно, пока не реагируем.*

СОЛДАТ С ПЕРЕВЯЗАННОЙ ЩЕКОЙ. *Ишь, буржуи энти как на верхотуре-то устроилися! Залезли и дрыхнуть в три сопелки, а нам не то чтоб вытянуться, а и сидеть тесно. Ни вздохнуть, ни пёрнуть...*

ВИЗГЛИВЫЙ ГОЛОС. *Братцы, ташишы их за ноги оттеда!*

СТАРЫЙ СОЛДАТ (рыжему). *Да брось ты, малец! Тама места всё одно на всех не хватит. Земельку мы у их, у господ, отобрали, так уж пусть хоть подрыхнут...*

РЫЖИЙ (говорит неуверенно). *А может, у ентих и земельки никакой не было?*

Рыжий успокаивается, сворачивает и закуривает самокрутку. Офицеры наверху тихо переговариваются.

СОКОЛОВ. *Всё-таки распознали, сволочи! Зря неделю не брились.*

ГЛЕБ. *Как говорит Игнат: хорошего коня и под рогожкой видать. Давай спать. Пardon, дрыхнуть.*

Солдаты ведут свой разговор.

СТАРЫЙ СОЛДАТ. *Вот, бают, всему виною господа... А я думаю, господа тоже разные бывают... Конечно, землю-то у них отнять следывает...*

СОЛДАТ БУТЫРСКОГО ПОЛКА. *Да... а так пуцай себе жить.*

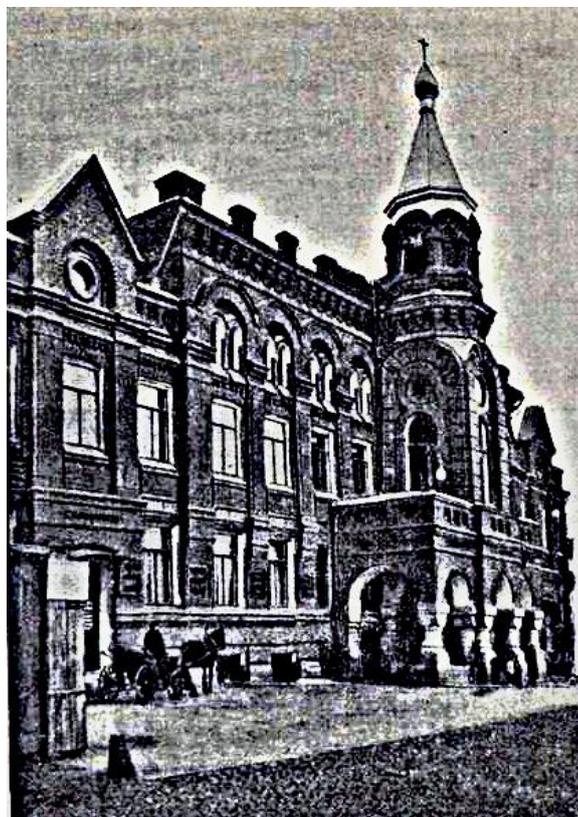
СТАРЫЙ СОЛДАТ. *Не, зачем просто живут, пуцай нами управляют. Они умнее нас, это по всему видать. Пуцай и управляют... А то наши, когда заправлять начнут, одна грубость выйдет... ничё не получится...*

СОЛДАТ БУТЫРСКОГО ПОЛКА. *Да, пуцай управляют... Ну а землю у них непременно отнять следывает.*

Камера показывает медленно идущий в ночи поезд.

СЦЕНА 10. МОСКОВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ДОМ В ЛИХОВОМ ПЕРЕУЛКЕ. Январь 1918-го года.

К зданию подъезжает автомобиль с матросами. ТРИ МАТРОСА (серия 3, сцены 22-23) выскакивают из автомобиля, заходят в дверь. Епархиальный дом полупуст – перерыв в сессиях собора. Матросы оглядываются, идут наугад. Гулко отдаются их шаги. Навстречу выходит МОЛОДОЙ МОНАХ (серия 2, сцена 16).

Московский епархиальный дом в Лиховом переулке.

МОЛОДОЙ МОНАХ. *Что вам здесь нужно?*

1-й МАТРОС. *Где гражданин Нестор?*
МОЛОДОЙ МОНАХ. *Владыка Нестор?*

2-й МАТРОС. *Ну.*

МОЛОДОЙ МОНАХ. *Зачем он вам?*

1-й МАТРОС. *Много вопросов задаёшь, паря.*

(Вытаскивает из-за пазухи бумагу и потрясает ею.)

Во зачем: ваш Нестор арестуется Комиссией по борьбе с контрреволюцией. Понял?

МОЛОДОЙ МОНАХ. *Я сейчас позову владыку Нестора.*

3-й МАТРОС. *Нет уж, товарищ дорогой, у нас свои ножки имеются, сами дойдём.*

Сказывай, где он.

МОЛОДОЙ МОНАХ. *На втором этаже.*

Матросы поднимаются по лестнице.

СЦЕНА 11. ТОБОЛЬСК. УЛИЦА СВОБОДЫ. Январь 1918-го года.

ГЛЕБ и СОКОЛОВ идут по узкому переулку между оградой Губернаторского дома и городским садом, приближаются к посту охраны. За оградой почти вплотную, как раз позади часового, возвышается снежная горка. Камера издали постепенно приближается к ней и, наконец, крупно показывает одинокую ЖЕНСКУЮ ФИГУРУ, стоящую на вершине.

СОКОЛОВ (оборачивается к Глебу и шепчет ему на ухо). *Это Великая Княжна Татьяна. Я её в Царском селе видел.*

Великая княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА
(1897–1918) .

Они снова смотрят на горку: она пуста.

СЦЕНА 12. МОСКВА. КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ.

Поздний вечер. За столом в бывшем кабинете Усачёва (серия 1, сцена 6) сидит АСТРОНОМ. Дверь открывается, конвойные вводят ЕПИСКОПА НЕСТОРА.

АСТРОНОМ (конвойным). *Свободны!*

Конвойные выходят. Епископ Нестор стоит у двери, держа руки за спиной. Долгое время епископ и Астроним молчат и пристально смотрят друг на друга.

АСТРОНОМ. *Проходите, гражданин Анисимов. Прошу...*

(Указывает на стул перед собой. Епископ усаживается.)

Я – уполномоченный Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем Млечин.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *В чём я обвиняюсь?*

АСТРОНОМ. *Ох, легче сказать, в чём вы, гражданин Анисимов, не обвиняетесь по делам контрреволюции. Ну, начнём, пожалуй, вот с этого.*

Астроном берёт со стола брошюру и потряхивает ею. Камера во весь экран показывает обложку.

АСТРОНОМ. *Знакома вам сия преступная книженция?*

(Читает.)

Автор: Епископ Нестор Камчатский. Название: «Разстрел Московского Кремля».

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Это – ваше преступление, а не моё. Вы разстреляли Кремль!*

АСТРОНОМ. *Ложь! Гнусная ложь! Вы прекрасно знаете, что мы не Кремль разстреливали, а засевших там контрреволюционеров, которые покусились на свободу трудового народа. Мы эту свободу ему даровали. Сейчас, ныне люди уверены, более чем когда-нибудь, что свободны вполне!*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Полноте витийствовать, господин уполномоченный, не тратьте зря сил. Мне один хороший знакомый как раз недавно посоветовал перечитать Великого инквизитора у Достоевского. И я перечитал. Так что, всё это мне известно...*

АСТРОНОМ. *Хороший знакомый – это ваш сообщник Пётр Архангельский? Он, кажется, занимался Достоевским?*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Какая осведомлённость! А своих «сообщников», как вы изъясняетесь, я не скрываю. На обложке книги, которая у вас на столе, они обозначены.*

Там написано: «С Благословения Святейшего Собора Православной Русской Церкви». Эта книга – слово всей Русской Церкви, а не одного епископа Камчатского.

АСТРОНОМ (раздражаясь). *Опять лжёт, гражданин Анисимов, выворачиваетесь! Не вывернетесь! Писала-то этот пасквиль не какая-то Церковь, а вы – собственной персоной!*

Берёт брошюру, щёлкает ногтем по месту, где обозначен автор, и швыряет книгу на стол.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Я писал, не отрекаюсь. Но не я лгу, а вы. Неужели хоть один здравомыслящий человек сможет поверить, что артиллерийская канонада, направленная на Кремль, имела целью сокрушить горстку офицеров и юнкеров, которые были в этом Кремле?*

АСТРОНОМ. *Меня мало волнует, кто и во что поверит или не поверит. Я здесь для раскрытия контрреволюционных деяний. А они – на лицо!*

(Снова берёт брошюру со стола и читает, выделяя голосом некоторые выражения.)

«Безумная стратегия становится характерной для всех представителей самозванного правительства, и то же, что они сделали с Кремлем, делают ныне со всей Россией, разыскивая в ней орудиями смерти врагов своих бредовых утопий. Хочется верить, что если это были русские люди, то из их сердец было совершенно вытравлено сознание, любовь к своей родине России и ими руководили враги России и враги всему тому, что дорого и свято для русского человека». Это вы писали. А это – прямая контрреволюционная пропаганда!

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Нет, это – правда. И вы сами тоже её знаете.*

АСТРОНОМ (снова раздражаясь). *Вы, Анисимов, возомнили себя последним носителем истины! И вы думаете, что мы этого носителя разстрелять не сможем?*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *У меня и сомнений таких нет: непременно, сможете. Вы не побоялись посягнуть на святыни. А я – не святыня, всего лишь грешный человек...*

СЦЕНА 13. ТОБОЛЬСК. УЛИЦА СВОБОДЫ.

Августейшая Семья Раианович в Тобольске. Сентябрь 1917г - Апрель 1918г.

Тобольск, 1918-й год.

Вся Августейшая семья прославлена в лике мучеников в 1981-м (РПЗ), в лике страстотерпцев в 2000-м (РПЦ) гг.

За оградой из Губернаторского дома по лестнице сбегают Великие княжны. Впереди – ТАТЬЯНА, за ней – ОЛЬГА, МАРИЯ, АНАСТАСИЯ. Они в серых спортивных фуфайках и

шапочках. Сзади ЦЕСАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ в шинели с погонями и медалями. Они взбегают на вершину горки и смотрят за оградой. По переулку продолжают нарочито медленно идти ГЛЕБ и СОКОЛОВ. Они не отрывают глаз от горки. Офицеры доходят до конца ограды и сворачивают влево, в сторону сада, уходя от Губернаторского дома. Камера снова показывает горку: на ней неподвижно стоят Великие княжны и Цесаревич. Камера возвращается на улицу, по которой идут Глеб и Соколов.

ГЛЕБ (почти шёпотом). *Костя, ты видел?*

СОКОЛОВ (угрюмо). *Не надо... Помолчим... Тяжело...*

ГЛЕБ (выдыхает). *Мы их спасём!*

СЦЕНА 14. КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ.

АСТРОНОМ продолжает допрос ЕПИСКОПА НЕСТОРА.

АСТРОНОМ. *Да... Если вы будете так держаться, то мы вас, конечно, разстреляем... За шпионаж, например...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Шпионаж?*

АСТРОНОМ. *Какая разница... Но шпионаж – позорнее.*

(Резко меняет прежний резкий тон на мягкий, доверительный.)

Что-то мы с вами совсем заговорились, Николай Александрович, идите-ка в камеру, подумайте. Вас переведут в отдельную. Вы говорили, что у вас забрали панагию?

Непременно вернут, я распоряжусь. Помóлитесь, глядишь, ваш Бог вас и вразумит, одумаетесь. Может быть, вы имеете ко мне ещё какую-нибудь просьбу или вопрос?

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Вопрос?.. Скажите, будьте милостивы, который теперь час?*

Астроном бросает на епископа взгляд, полный бешеной ненависти. Однако сразу берёт себя в руки, смотрит на часы-браслет.

АСТРОНОМ. *Одиннадцать часов ночи.*

(Кричит в сторону двери.)

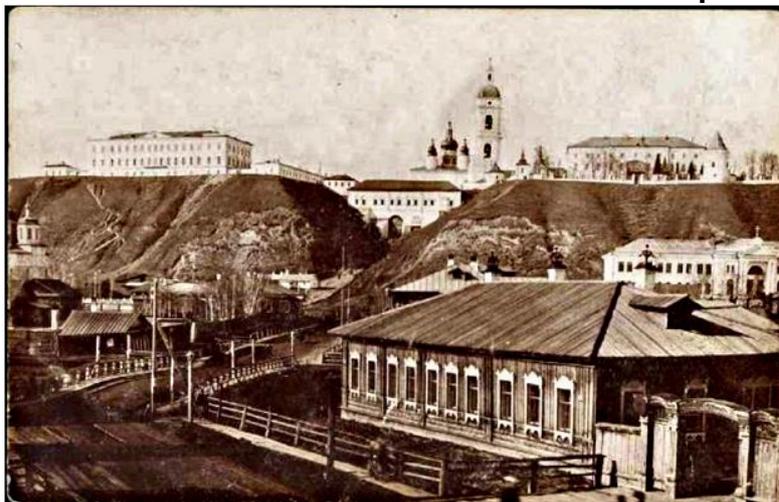
Конвой!

(Входят конвойные. Епископ встаёт, направляется к двери.

Астроном говорит ему вслед.)

О вашем, гражданин Анисимов, участии в контрреволюционном монархическом заговоре против Советской власти мы уж в следующий раз потолкуем...

СЦЕНА 15. ТОБОЛЬСК. СТОЛОВАЯ «РОССИЯ». Январь 1918-го года.

Тобольск.

Вечер. Большой зал столовой. За столом сидят ГЛЕБ и СОКОЛОВ. Официант уносит посуду, остаётся только чайник, стаканы и тарелка с солёными огурцами. Соколов из чайника наливает водку в стаканы. Офицеры выпивают, закусывают огурцом, закуривают. Через несколько столиков от них гуляет шумная компания солдат. Среди них – РЫЖИЙ, с которым офицеры ехали в поезде. Он крутит в руках пустой стакан, начинает шарить по карманам, вытаскивая какие-то медяки. Потом оглядывается вокруг. Его взгляд останавливается на господине в сером сюртуке, сидящем за соседним столиком. Рыжий встаёт и, чуть пошатываясь, подходит к нему. Камера показывает Глеба и Соколова, но слышны выкрики Рыжего: «Отожрал морду на народном хлебе! Я за тя в окопах мёрз!». Камера переносится на Рыжего. Он вплёскивает в лицо господину содержимое бокала. Затеваётся потасовка.

ГЛЕБ. *Костя, пойдём разнимем бойцов, а то переколотят здесь всё к чёртовой матери.*

СОКОЛОВ. *Вот ещё! Ты рыжего по поезду помнишь? Это ведь он хотел нас с полки стащить. Да и господинчик какой-то склизкий. Пусть хоть поубивают друг друга. Сидим.*

ГЛЕБ. *Нет, я всё-таки разниму их.*

Глеб встаёт и распахивает дерущихся. Господин отряхивается и пересаживается за другой столик. Глеб возвращается на своё место. Рыжий внимательно всматривается в офицеров, потом подходит к ним.

РЫЖИЙ. *Ваши благородия! Какая встреча, ядрёна вошь! Узнали? Сколько дён вместе ехали по железке!*

ГЛЕБ. *Да, припоминаю. Здравствуйте.*

РЫЖИЙ. *Во! Признал! Ваши благородия, водочкой не угостите ли попутчика?*

СОКОЛОВ (усердно тушит папиросу о край пепельницы). *Нам, кажется, уже пора идти.*

(Привстаёт и обращается к Глебу.)

Ты идёшь?

ГЛЕБ. *Знаешь, я, наверное, ещё посижу здесь немного.*

(Рыжему, указывая на чайник.)

Угощайтесь.

СОКОЛОВ. *Воля твоя.*

Тобольск.

Соколов подходит к официанту, перебрасывается с ним несколькими словами, вынимает и подаёт две купюры, потом методично отсчитывает несколько мелких монет и протягивает официанту.

СЦЕНА 16. МОСКВА. ОДИНОЧНАЯ КАМЕРА БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ.

Крохотная полутёмная камера, та самая, где сидел когда-то Астроном. Видны чёрные силуэты решёток на голубом фоне лунной ночи. Дверь со скрежетом открывается, и конвойный вводит ЕПИСКОПА НЕСТОРА. На груди у него – деревянная панагия. Владыка медленно, ссутулившись, идёт по тюремной камере, приближается к высоко расположенному окну. Опирается руками о стену, смотрит вверх. Кинокамера идёт через решётку, скользит по тюремным корпусам, спускается во двор и останавливается на храме Покрова Пресвятой Богородицы, освещённом луной. Отчётливо виден крест на куполе. Кинокамера возвращается в камеру тюремную. Владыка стоит на коленях и молится, приложив к устам деревянную панагию. Лунный свет падает на одну из стен, на ней красным карандашом крупно написано кем-то из узников: «И ЭТО ПРОЙДЕТ».

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Бутырском тюремном замке.

СЦЕНА 17. ТОБОЛЬСК. СТОЛОВАЯ «РОССИЯ».

За столом ГЛЕБА уже не только РЫЖИЙ, но ещё один солдат – УСАТЫЙ. Они выпивают и разговаривают. Глеб курит.

УСАТЫЙ. *Вот мы и собрали свой Союз фронтовиков. И скинем всю эту шоблу есеровскую на...*

РЫЖИЙ. *Да! А тут всякая сволочь поналезла. То ль есеры, то ль есдеки, то ль меньшаки – бес их разберёт. Все хлебные места поделили, пока мы кровушку свою проливали. А мы – за большаков!*

УСАТЫЙ. *И армию соберём! Вона, в Тюмени, слышал, уже сделали Красную армию.*

ГЛЕБ (затягиваясь папиромой). *Ничего у вас не выйдет.*

УСАТЫЙ. *Как так?*

ГЛЕБ. *А вот так. Кто будет командовать? Приём офицеров в вашу Красную армию затруднителен – надо получить аттестацию комитета прежнего полка. А где её достать, если наши, к примеру, полк немцы разогнали? Мы в политике ничего не понимаем, мы –*

профессионалы и будем служить в какой угодно армии, лишь бы платили, другого труда не знаем.

РЫЖИЙ. *Коль ты наш брат, фронтовик, вали в наш Союз!*

УСАТЫЙ. *Это ништо, и с комитетом уладим, и денег найдём... А вот кабы ты снова, ваш бродие, на контру не повернул...*

ГЛЕБ. *Напрасно вы видите во всех офицерах контрреволюционеров. За нами народ не пойдёт, это уже достаточно видно из всей революции.*

УСАТЫЙ. *Это ты верно сказываешь... не пойдёт... Могётъ быть, и за нами не пойдёт... Кто ж его знает, ентот народ... А такие, как ты, нам нужоны. Скоро митинг будет. Там енти есеры языками крутить стануть, что твоя мельница. Куды нам до их. Вмиг забалоболать. А вот ты бы слово сказал – совсем другое дело. Язык подвешен.*

ГЛЕБ. *Да я-то скажу, отчего не сказать. Только и вы поддержите.*

РЫЖИЙ. *Пособим! А как?*

ГЛЕБ. *Оружие у вас есть?*

РЫЖИЙ. *Уж ентото добра с войны хватаат!*

ГЛЕБ. *Вот и приходите с ним все. Слова без винтовок – нуль. Сбросим этих болтунов, а вас, большевиков, в Совет посадим. Будьте благонадежны: мы с моим приятелем всё устроим.*

РЫЖИЙ. *А в Совете – места хлебные!*

(Выпивает рюмку.)

Дай я тебя обыму, дорогое ты моё благородие!

Рыжий лезет обниматься, Глеб несколько отстраняется.

**СЦЕНА 18. СТАНЦИЯ КАГАЛЬНИК, ОБЛАСТЬ ВОЙСКА ДОНСКОГО.
ВРЕМЕННОЕ РАСКВАРТИРОВАНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.
Начало февраля 1918-го года.**

Заснеженная станция. Здание железнодорожных казарм обнесено забором, ворота распахнуты настежь. Мимо проходят небольшие отряды добровольцев, отдельные офицеры и солдаты. Неподальёку от казарм на бревне сидит ФЁДОР (на шинели черно-красные погоны Корниловского полка), ножом разрезает материю на портянки. Из ворот появляется СОФЬЯ в фуражке, шинели (на погонах – одна звезда прапорщика). Она двумя руками держит вещевой мешок, в котором что-то трепыхается.

Современный вид железнодорожной станции Кагальник.

СОФЬЯ. *Студент, смотри, что я раздобыла, пока ты тут со своими портянками ковыряешься.*

ФЁДОР. *Да я все ноги стёр.*

СОФЬЯ. *Плевать.*

Софья развязывает мешок и победоносно вытаскивает из него трепыхающегося петуха. Фёдор удивлённо, почти с испугом смотрит на птицу.

СОФЬЯ. Сейчас оциплем, и такой суп будет! Я два дня в этой проклятой Хомутовке ничего не ела, а здесь вы всё пожрали. Теперь отъедемся.

В это время петух вырывается и бежит в сторону казарм. Софья и Фёдор бросаются за ним, обегая казармы с двух сторон.

СЦЕНА 19. ПОДМОСКОВЬЕ. ДОРОГА НА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВУ ЛАВРУ.

Начало февраля 1918-го года.

Две тяжело гружёные вещами подводы едут по заснеженной просёлочной дороге. Первой правит мужик-возчик, за ним сидят ОТЕЦ ПЁТР и прижавшаяся к нему ВАРВАРА. Второй – ИГНАТ, за ним расположились АГАФЬЯ и ТАЛОЧКА.

ИГНАТ. Ну всё, почитай приехали, до Троицы вёрст пять осталось.

АГАФЬЯ. У тебя и с утра было пять, а всё тащимся и тащимся...

ИГНАТ. Это – да... Дак кто ж их сочтёт, вёрсты-то, Агафья Лукинишина... Столбы все посбивали. Так, на прикидку говорю...

АГАФЬЯ. Ты правь, правь, а не разговоры разговаривай, а то вытряхнешь всё, да и нас заодно.

ТАЛОЧКА. Уж больно вы его браните, Агафья. Хорошо ведь едем.

АГАФЬЯ. А его не брани, так он на самую шею заберётся.

Игнат усмехается в усы.

СЦЕНА 20. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ КАГАЛЬНИК, ОБЛАСТЬ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Из-за угла казарм появляется ФЁДОР, прижимая к себе вырывающегося петуха. С другой стороны выбегает СОФЬЯ; фуражка надвинута на лоб, трудно определить, что это барышня. Вдали на дороге, за казармами, появляется группа всадников.

СОФЬЯ. Поймал? Отлично! Где твой нож?

ФЁДОР. Нож-то на бревне... Только генерал Корнилов строжайше запретил брать что-либо у казаков без платы...

Всадники приближаются, теперь их можно рассмотреть. Это конвой из семерых текинцев, сопровождающий главнокомандующего Добровольческой армии ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА, который едет в середине группы. Корнилов в полушубке без погон, текинцы – в полушубках и высоких папахах.

СОФЬЯ. Кому я заплачу? Тебе? Или вон господину капитану?

(Указывает на проходящего мимо капитана с рукой на перевязи.)

Никого нет. Поразбежались все казачки. Давай нож.

ФЁДОР. Всё-таки надо поискать хозяина...

СОФЬЯ. Пока ты будешь искать, я с голоду подохну.

Тем временем всадники подъехали к казармам и остановились. Корнилов пристально глядится в сцену вокруг петуха, прислушивается. Потом соскакивает на землю, бросает поводья адъютанту, приближается к Софье и Фёдору. Те его не видят.

Текинский конвой генерала Корнилова.

ФЁДОР. Корнилов сказал...

СОФЬЯ. Что Корнилов сказал?.. Вот пусть сам генерал Корнилов и воюет на пустое брюхо. А я не могу! Давай нож!

Корнилов подходит вплотную. Фёдор оборачивается и замирает с прижатым к груди петухом.

КОРНИЛОВ. Генерал Корнилов и голодал, и холодал, но не воровал.

(Обращается к Фёдору, указывая на петуха.)

Откуда взял? Купил?

ФЁДОР. Никак нет, Ваше высоко-ство...

Вокруг собирается толпа офицеров и солдат.

КОРНИЛОВ. Что? Украл? Ограбил?.. Студент?

ФЁДОР. Рядовой Корниловского ударного полка Архангельский.

Фёдор прикладывает руку к фуражке. Петух вырывается и с клёкотом снова бежит по снегу к казарме. В толпе смеются.

КОРНИЛОВ. Врёшь! Ты – не корниловец! Корниловцы не воруют!

Софья выходит вперёд, останавливается перед генералом, загораживая собой Фёдора, отдаёт честь.

СОФЬЯ. Ваше высоко-ство, он тут ни при чём... Это я своровала... Очень есть хотелось... Он, наоборот, отговаривал...

КОРНИЛОВ. В благородство играет?

(Обращается к двум солдатам, стоящим к нему ближе других.)

Арестовать обоих и под суд!

Солдаты переминаются с ноги на ногу. К Корнилову подходит капитан с рукой на перевязи и что-то тихо говорит ему.

КОРНИЛОВ (громко). *Что? Геройство в Москве? За воинскую доблесть – честь им и слава, а за грабёж – петля! Арестовать!*

Солдаты уводят Фёдора и Софью. Корнилов обращается к окружающим.

КОРНИЛОВ. *Вы не понимаете, что вы делаете... Наша армия ничтожна по своим размерам. Ничего, я скую её огнём и железом, и не скоро раскусят такой орех. Но если же офицеры и солдаты начнут грабить, то это будет не армия, а банда разбойников!..*

Главнокомандующий Добровольческой армии генерал от инфантерии Лавр Георгиевич КОРНИЛОВ (1870–1918).

Корнилов резко разворачивается, идёт к лошади. Адъютант подаёт ему поводья. Камера сначала показывает замершую толпу солдат и офицеров, потом переходит на бревно, в которое воткнут нож Фёдора и лежат недоделанные портянки.

СЦЕНА 21. ПОДМОСКОВЬЕ. ДОРОГА НА СЕРГИЕЕВО-ТРОИЦКУЮ ЛАВРУ.

Две подводы едут по заснеженной просёлочной дороге. Впереди виднеется человеческая фигура. Когда подводы приближаются к ней, становится различим СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ в потёртом тулупе поверх подрясника, мятой скуфейке, с мешочком за плечами и суковатой палкой в руке. Его голова очень похожа на голову, которую отец Пётр видел во сне (серия 3, сцена 18). Первая подвода равняется с монахом.

ОТЕЦ ПЁТР. *Садитесь, отец, подвезём.*

Монах поднимает голову. Отец Пётр вздрагивает, узнавая голову из сна. Монах забирается на подводу и садится рядом с отцом Петром. Тот всё время всматривается в лицо монаха. Показывается отрывок из 3-й серии, когда отец Пётр держит в руках голову.

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Спаси Господи, мил человек. Куда путь держите? В Лавру?*

ОТЕЦ ПЁТР. *Да, к Троице.*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Это хорошо, к Троице – это хорошо.*

Троице-Сергиева лавра.

ОТЕЦ ПЁТР. *Туда перебираемся. Может быть, там поспокойней, чем в Москве. Да и Святейший обещал скоро прибыть.*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Спокойней – безпокойней... А Святейшего ты, отец Пётр, держись, не отставай от него.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Откуда вы знаете, как меня зовут?*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Чего? А... это... Долго живу, вот всех и знаю. А сказал так, к слову. Уж больно ты на одного отца Петра похож...*

ВАРВАРА. *И меня знаете?*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *И тебя, егоза, и тебя...*

ВАРВАРА. *Ну как меня зовут?*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ (смеётся). *Ишь ты! Всё ей так и поразкажи!*

(Отцу Петру.)

А Патриарха не бросай, не бросай. Лютые страдания душевные ему предстоят. Не бросай!

Подводу встряхивает на ухабе, Варвара вскрикивает. Монах гладит её по голове.

СЦЕНА 22. СТАНИЦА КАГАЛЬНИЦКАЯ, ОБЛАСТЬ ВОЙСКА ДОНСКОГО.

Тёмная баня, свет едва пробивается. На полу набросаны охапки сена. На спинах лежат СОФЬЯ и ФЁДОР.

СОФЬЯ (задумчиво, кусая соломинку). *Петля, сказал... Значит, повесит...*

ФЁДОР. *Смешно! Шли воевать за Россию, а погибнем за петуха...*

СОФЬЯ. *Петух – тоже Россия, студент...*

ФЁДОР. *Что ты заладила: студент, студент. У меня имя, между прочим, есть.*

СОФЬЯ. *Это и есть твоё имя – Сту-дент. Потому что ты ещё маленький.*

ФЁДОР (приподнимаясь на локте). *Маленький? У нас разница всего в год. Сейчас я тебе покажу, какой я маленький.*

Фёдор наваливается всем телом на Софью и начинает страстно целовать.

СОФЬЯ (вырываясь). *Погоди! Задохнусь!*

Фёдор продолжает целовать и обнимать её. Софья, наконец, высвобождается из объятий и отстраняется.

СОФЬЯ (тяжело дыша). *Погоди, говорю!*

ФЁДОР. *Чего годить? Я люблю тебя, люблю! Я уже шесть месяцев гожу!*

СОФЬЯ. *Считает, студент...*

Фёдор тяжело дышит. Софья проводит рукой по его лицу, волосам, приближается и нежно целует. Фёдор снова обнимает её и опрокидывает на сено.

Старая дорога в станице Кагальницкой.

СЦЕНА 23. СТАНИЦА КАГАЛЬНИЦКАЯ.

Раннее утро. В бане уже светлее. На сене спят ФЁДОР и СОФЬЯ, накинув на себя обе шинели. Открывается дверь, в неё врывается поток света. На пороге стоит КАПИТАН с рукой на перевязи. Фёдор и Софья не шевелятся. Капитан какое-то время смотрит на них, улыбается, поглаживая усы. Потом громко кричит.

КАПИТАН. *Подъём, добровольцы!*

(Фёдор и Софья быстро скидывают шинели-одеяла, вскакивают и вытягиваются в струнку.)

Собирайтесь и выходите.

СОФЬЯ (надевая фуражку и пытаясь засунуть под неё волосы). *На виселицу? Могли бы хоть разстрелять как военнопленных.*

ФЁДОР. *Нас должны сначала судить.*

КАПИТАН. *Уже судили... Ещё вечером...*

(Делает паузу.)

Десять суток ареста.

СОФЬЯ. *Как? Корнилов сказал – повесят.*

КАПИТАН. *Повесят, непременно повесят, если и впредь будете за чужими петухами гоняться. А сейчас торопитесь – через три часа выступаем на Екатеринодар.*

ФЁДОР. *Мы же под арестом.*

КАПИТАН. *Под арестом, под арестом. Вот в походе и будете искупать вину. Под огнём красных – это вам не в бане валяться. Возвращайтесь в полк, корниловец.*

(Обращается к Софье.)

А вы, прапорщик, отправляйтесь к генералу Эрдели: он берёт вас своим адъютантом.

СОФЬЯ. *Ура!!!*

(Бросается к Фёдору и виснет у него на шее.)

Ура!!!

СЦЕНА 24. ТОБОЛЬСК. МИЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК №2. Февраль 1918-го года.

Коридор в милицейском участке. Вдоль стены одна за другой расположены две камеры. Из одной пробивается электрический свет. Из другой слышны крики, ругань. Показывается освещённая камера: зарешёченное окно, две койки, стол. За столом перед самоваром сидит СОКОЛОВ, пьёт чай. На койке лежит ГЛЕБ, читает газету.

СОКОЛОВ (ни к кому не обращаясь). *Долго нас ещё здесь томить будут? Сидим неделю, и даже не допрашивают...*

ГРОМКИЙ БАС ИЗ СОСЕДНЕЙ КАМЕРЫ. *И за что меня посадили? Ни за что! Только татарина прирезал...*

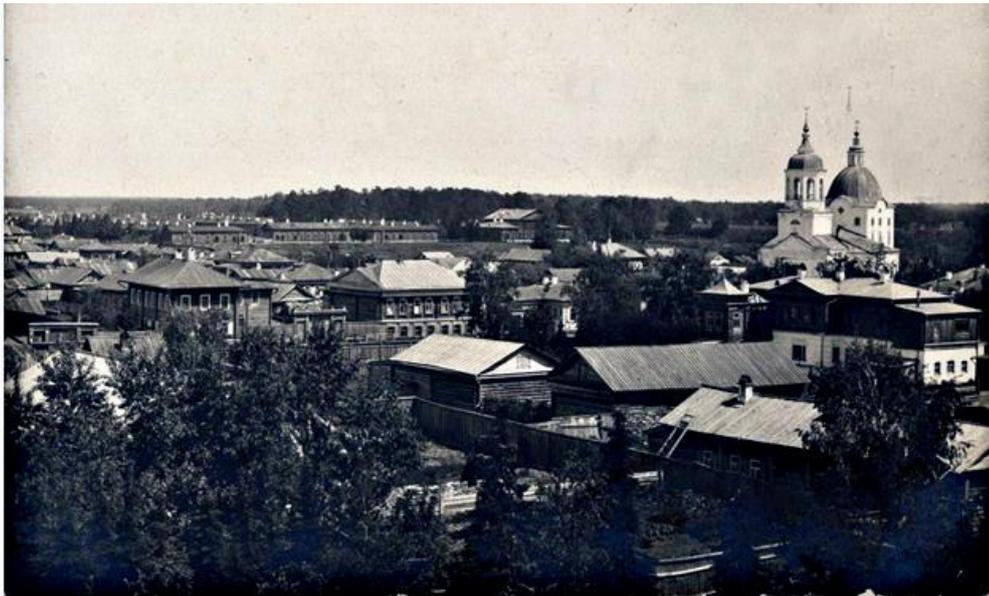
2-й ГОЛОС ИЗ СОСЕДНЕЙ КАМЕРЫ. *Поделом ему, басурману!*

СОКОЛОВ. *Вон, человек татарина прирезал. А нас за что?*

ГЛЕБ (отрываясь от газеты). *Первый раз в жизни радуюсь немецким победам. Вон пишут, что немцы взяли Двинск. Причём обошли его с севера – это же на участке нашего полка или близко к нему. Наверняка при нынешней разболтанности там паника. Много вероятия, что телеграмма, посланная Советом по нашему поводу, не дойдёт по адресу.*

СОКОЛОВ. *Ну и что? Всё равно будут держать здесь. Они сами, по-моему, не знают, что с нами делать. Кроме прогулок вокруг Губернаторского дома и предъявить нечего, а не выпускают.*

За окном слышны выкрики, гул толпы. Глеб встаёт и подходит к зарешёченному окну, прислушивается.

Тобольск.

ГЛЕБ. *А ты говорил, что я зря пил с этими большевичками. Смотри! Они требуют нас освободить.*

Соколов тоже подходит к решётке.

СОКОЛОВ. *Да, как ни смешно, теперь на них вся надежда.*

ГЛЕБ. *Конечно! Они меня теперь считают лучшим другом. Если выпустят нас, возглавим большевицкий переворот. Удастся – все препятствия будут устранены. Из гардемаринов, которых обещал прислать полковник Лихачёв, создадим Красную армию.*

Лошади, оружие, деньги – всё можно будет добыть легальным путём. И тогда повести борьбу с отрядом охраны. Спасти Государя! Шансов на успех много!

СОКОЛОВ. *Как-то уж больно складно у тебя всё получается. Посмотрим. Надо сначала выйти отсюда.*

Дверь камеры со скрипом открывается, и входит СТАРШИЙ МИЛИЦИОНЕР.

СТАРШИЙ МИЛИЦИОНЕР. *Архангельский, выходи.*

ГЛЕБ. *Куда меня, милейший?*

СТАРШИЙ МИЛИЦИОНЕР. *К комиссару. Похоже, выпустать будут.*

(Указывает на тюремное окно.)

Вон ваши как бунтуют, грозятся участок разнести. Они могут...

СОКОЛОВ. *А что со мной?*

СТАРШИЙ МИЛИЦИОНЕР. *Про вас никакого приказа не было. Придётся вам, господин хороший, ещё моим самоварчиком попользоваться. Денежку-то вы вперёд заплатили. Сейчас ещё и обед из харчевни принесу. Поди, плохо!*

Глеб и Соколов обнимаются. Милиционер выводит Глеба.

СЦЕНА 25. ПЕТРОГРАД. КАБИНЕТ ЛЕНИНА В СМОЛЬНОМ.

Февраль 1918-го года.

ЛЕНИН ходит взад и вперёд с телефонной трубкой в руке.

ЛЕНИН. *Вопрос о переносе столицы в Москву решён окончательно. Ваше присутствие, дорогой Астроном, архинеобходимо! Срочно к нам, в Питер! Вместе отсюда и поедем. Да, всё забываю спросить, вы там какого-то важного попа арестовали...*

(Берёт со стола клочок бумаги и читает по нему.)

Епископ Нестор Камчатский. Что там с ним не так?

АСТРОНОМ *(голос из телефонной трубки).* *Махровый контрреволюционер. Написал книжонку о том, что мы будто бы нарочно по Кремлю стреляли, чтобы надругаться над чувствами верующих.*

ЛЕНИН. *Хорош гусь!*

АСТРОНОМ. *Думаю, его целесообразно разстрелять как пример другим церковникам. Есть ещё основательные подозрения, что он возглавляет заговор по освобождению бывшего царя.*

ЛЕНИН. *Вот как! Да, с этим извергом-идиотом Романовым нам надо что-то решать...*

АСТРОНОМ. *Вы ведь предполагали судить его? А каким вам видится приговор?*

ЛЕНИН. *В России надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых, чтобы отучить их преемников от организации черносотенных убийств и еврейских погромов... Однако сейчас не до него: немцы заседают.*

АСТРОНОМ. *А почему вы спросили про этого епископа, Владимир Ильич?*

ЛЕНИН. *Меня просто завалили жалобами, просьбами: и Луначарский, и Пешкова, и Патриарх их... Погодим с разстрелом... И так сейчас визг подняли, что будто бы это мы Владимира в Киеве убили... Лишние протесты нам сейчас ни к чему. Заприте его куда-нибудь... Ну хоть в монастырь. Они раньше сами так делали. Вот пусть и посидит.*

АСТРОНОМ. *Хорошо, Владимир Ильич, не беспокойтесь.*

ЛЕНИН. *Всё, до встречи. Не медлите, жду вас.*

Ленин кладёт трубку.

СЦЕНА 26. ТОБОЛЬСК. УЛИЦА ДЕКАБРИСТОВ.

МИЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК.

Показывается фасад здания милицейского участка. На углу прицеплена табличка, написанная от руки чёрной краской: «Улица Декабристов». На другом углу на одном гвозде болтается старая – «Абрамовская улица». Перед зданием собралась большая толпа солдат в шинелях без погон и в папахах. Очень холодно, изо ртов идёт пар. Солдаты размахивают винтовками, подпрыгивают, трут руки, уши. Мелькают красные флаги. Слышны выстрелы и беспорядочные выкрики: «Даёшь!», «Говны!», «Свободу!». Дверь участка открывается, и появляется ГЛЕБ.

ГЛЕБ (поднимая руку вверх). *Здравствуйте, товарищи! Свобода!*

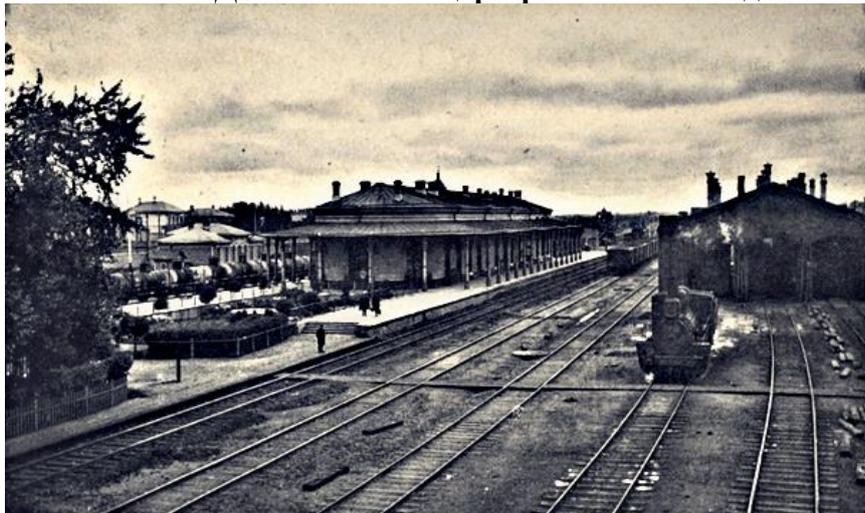
Ему отвечает многоголосый хор: «Свобода! У-р-р-р-а!!!». К Глебу бросаются РЫЖИЙ И УСАТЫЙ.

РЫЖИЙ (обнимая Глеба). *Дай я тебя обыму, дорогое ты моё благородие!*

УСАТЫЙ (пожимая руку Глебу). *Выпустили тебя! Испужались! Наша сила! Теперича мы всех их сковырнём, кровососов-кровопийцев!*

Толпа солдат с красными флагами идёт по улице. Впереди – Глеб.

СЦЕНА 27. ПЕРРОН НА СТАНЦИИ МАЛАЯ ВИШЕРА НИКОЛАЕВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ. Конец февраля 1918-го года.

Станция Малая Вишера.

У перрона стоит длинный товарный поезд, загруженный пьяными МАТРОСАМИ-АНАРХИСТАМИ. Они сидят в дверях вагонов, ходят по перрону, пьют, смеются, орут. На соседний путь прибывает «литерный» поезд № 4001. На площадках вагонов у пулемётов стоят латышские стрелки. Скрипят тормозные колодки. «Литерный» останавливается, так как путь перегораживает дрезина. На ней сидят и пьют матросы. Среди них – 1-й МАТРОС (серия 3, сцены 22-23 и серия 4, сцена 10), он играет на губной гармошке «Интернационал». Матросы орут, машут руками, не собираясь пропускать «литерный» вперёд.

1-й МАТРОС (прерывая игру, кричит в сторону «литерного»). *Ща! Разбежались!*

2-й МАТРОС. *Сперва мы двинемси!*

3-й МАТРОС. *Москва – Воронеж – хер догонишь!*

На площадку первого вагона «литерного» выходят АСТРОНОМ и ЛЕНИН.

ЛЕНИН. *Что здесь происходит? Почему мы остановились?*

АСТРОНОМ. *Вон, видите? – Матросня, краса и гордость революции, так сказать... А на деле – дезертиры. По домам собрались.*

ЛЕНИН. *Негодяи! Провокация! Неслыханная провокация! Что делать?.. Извечный наш вопрос...*

К вагону подбегает чекист ФЁДОР ЭЙХМАНС (около двадцати лет, грушевидное лицо усеяно оспинами).

ЭЙХМАНС. *Матросы-анархисты не хотят пропускать поезд. Требуют, чтобы они ехали первыми. Только никуда они не поедут: перепьются и будут тут валяться, как свиньи.*

ЛЕНИН. *Они и есть свиньи. По сути – мелкобуржуазная сволочь!*

АСТРОНОМ (Эйхмансу). *Уберите, Эйхманс, этих скотов.*

ЭЙХМАНС. *Всех?*

АСТРОНОМ и ЛЕНИН (в один голос). *Всех!*

Матросы-анархисты.

Латышские стрелки.

Эйхманс машет стрелкам. Те одновременно спрыгивают со всех площадок, стройными цепями шагают к дрезине и к товарняку. Молча и ловко укладывают матросов на перрон. Кого-то бьют в челюсть прикладом, кому-то вспарывают штыком живот, в кого-то стреляют. Заснеженный перрон заливается кровью. Матросы выскакивают из вагонов, ныряют под них, чтобы спрятаться по ту сторону поезда. С одной из площадок «литерного» начинает гулко бить пулемёт. Доски товарного вагона решетят пули. На дрезине – трупы матросов. Латыши окружают товарняк, сталкивают дрезину с рельсов. Астроном даёт знак машинисту, и «литерный» трогается. Латышские стрелки бегом возвращаются к составу и на ходу запрыгивают на подножки. Довольный Ленин жмёт руку Астроному.

ЛЕНИН. *Ловко они! Не церемонясь. Так и надо с врагами революции.*
(Смеётся.)

Эти матросики ведь почти буквально нам палки в колёса вставили.

Состав покидает перрон, на котором корчатся раненые матросы. 1-й матрос, словно не замечая свои выпущенные кишки, продолжает играть на губной гармошке «Интернационал». Мелодия обрывается. Глаза матроса стекленеют. Камера показывает спокойное лицо Ленина и жёсткое, застывшее лицо Астронома.

СЦЕНА 28. ТОБОЛЬСК. Март 1918-го года.

По широкой улице несётся целая вереница троек с бубенцами. В каждой из них сидит по двое-трое солдат, на рукавах красные повязки, они гикают, размахивают винтовками и папахами. На тротуаре прижимаются к домам ДВА ОБЫВАТЕЛЯ.

1-й ОБЫВАТЕЛЬ. *Это кой-то ещё к нам пожаловал?*

2-й ОБЫВАТЕЛЬ. *Небось, из Омска. Бают, они здесь желают верховодить.*

1-й ОБЫВАТЕЛЬ. *Красноармейцы?*

2-й ОБЫВАТЕЛЬ. *Небось, они самые. Вишь, красные тряпки на руках.*

1-й ОБЫВАТЕЛЬ. *Бяда-а!*

Тройки останавливаются у здания Совета. Красноармейцы выпрыгивают и с винтовками наперевес забегают в здание. Оттуда слышны выстрелы.

СЦЕНА 29. ТОБОЛЬСК. СТОЛОВАЯ «РОССИЯ».

За столом (где раньше сидели Глеб и Соколов) расположились РЫЖИЙ, УСАТЫЙ и тёмноволосый, тёмноусый комиссар большевицкого Уралсовета ЗАСЛАВСКИЙ.

Уполномоченный Уралсовета
Семён Савельевич ЗАСЛАВСКИЙ (1890–1953).

ЗАСЛАВСКИЙ. *Как же вы, фронтовики, власть прохлопали, омичам отдали?*

УСАТЫЙ. *Товарищ Заславский, так они же, значить, наши – большевики.*

РЫЖИЙ. *И к нам со всем уважением.*

ЗАСЛАВСКИЙ. *С уважением... Большевики... Какие они большевики? Название одно.*

Слякоть, а не большевики. Вот мы, Уралсовет, мы – сила!

УСАТЫЙ. *Они и Совет есеровский разогнали к такой-то бабушке.*

ЗАСЛАВСКИЙ. *Что Совет разогнали, это хорошо. И то, что во главе нового поставили нашего матроса Хохрякова, тоже хорошо.*

РЫЖИЙ. *Во! И мы ж говорим... И нашего офицера ослобонили...*

ЗАСЛАВСКИЙ. *Какого ещё офицера?*

УСАТЫЙ. *Есть тут двое... Помогают нам... Одного мы сами, значить, у есеров выхватили, а второго омичи отпустили.*

ЗАСЛАВСКИЙ. *К чёрту ваших офицеров. У меня отряд в семьдесят человек, боевики, закалённые ещё с пятого года.*

РЫЖИЙ. *Сила!*

ЗАСЛАВСКИЙ. *Сила-то – сила, но главный вопрос сейчас в бывшем царе.*

УСАТЫЙ. *А на кой он нам, Семён Савельич? Живёт и пуцай себе живёт.*

ЗАСЛАВСКИЙ. *Его надо уничтожить. Это призрак прошлого.*

РЫЖИЙ. *Чё?*

ЗАСЛАВСКИЙ. *Буржуи его снова на трон посадить хотят.*

УСАТЫЙ. *Не допустим!*

ЗАСЛАВСКИЙ. *То-то и оно. Истребить его надо со всем выводком! Мы, уральцы, это сделаем!*

Ударяет кулаком по столу.

СЦЕНА 30. «САДЫ», ПРЕДМЕСТЬЕ ЕКАТЕРИНОДАРА.

Конец марта 1918-го года.

Дождь. По жуткой грязи мчится белая конница – идёт атака бригады генерала Эрдели. Блестят шашки, из-под копыт лошадей летят комья грязи. В воздухе свистят снаряды артиллерии красных. В ближнем к зрителю ряду, размахивая шашкой, скачет СОФЬЯ. На ней черкеска с серебряными газырями, чёрная бурка на плечах, на голове кубанка чуть набекрень, из-под которой выбивается чёрный локон.

Софья ДЕ БОДЕ.

Звучит песня:

*В атаке ваш голос, насмешливо резкий,
Звенит, не стыдясь крепких слов в языке.
Блестят газыри на изящной черкеске,
И лёгкая шашка зажата в руке.*

Впереди – две шеренги красноармейцев стреляют с колена и стоя. Звучит песня:

*Последний резерв православного войска –
Две сотни казачьих да наш эскадрон –
Бездарно поляжет в атаке геройской,
Пытаясь прорвать комиссарский кордон.*

Кобыла под баронессой вздрагивает от попавшей пули и опускается на передние ноги. Софья падает с неё, минуту лежит на земле. Потом вскакивает и, хромая, с обнажённой шашкой в руке пытается бежать вдогонку за удаляющейся конницей. Лакированные сапожки вязнут в грязи. Звучит песня:

*Обидно, что жизнь оборвется на взлёте.
Но смерть за Отчизну приемли легко.
Мы пошло увязли в весеннем болоте
И стали добычей для этих стрелков.*

Пуля попадает Софье в голову, по лицу течёт кровь. Баронесса падает навзничь и лежит, не выпуская шашку из руки. Звучит песня:

*Но вас не вернуть – вы умчались навечно,
Поймав своим сердцем кусочек свинца,
В заоблачный край, где назначена встреча
Бессмертной души с Правосудьем Творца.²*

СЦЕНА 31. ТОБОЛЬСК. УЛИЦА СВОБОДЫ. Март 1918-го года.

Солдаты охраны губернаторского дома кирками и лопатами разбивают ледяную горку, на которой Глеб и Соколов видели детей Императора. Рядом горит костёр.

Великая княжна ОЛЬГА (1895–1918) и Цесаревич АЛЕКСЕЙ (1904–1918; на санках рядом с ним коккер-спаниель Джой) в Тобольске.

² Песня К.Ю. Фролова-Крымского «Белая Валькирия».

1-й СОЛДАТ (ударяет киркой по горке, отваливается большой ледяной пласт). *Вот так! А то смотрят отсюда, смотрят. Гляди, выпрыгнут.*

2-й СОЛДАТ (тоже ударяет киркой). *Накатались уже на нашем хребте.*

3-й СОЛДАТ. *А то княжны енти все жопы свои отполировали.*

2-й СОЛДАТ. *А я б и сам им отполировал.*

2-й солдат подходит к костру вытаскивает головешку и пишет ею на заборе: «Хнижна, поцелуй мой...». Все трое громко гогочут. Камера переходит на дом и смутно показывает в окне плачущее лицо НАСЛЕДНИКА. Как бы в пространство звучит: «Горка...»

СЦЕНА 32. ДОРОГА ПОД ЕКАТЕРИНОДАРОМ. Март 1918-го года.

По просёлочной дороге, увязая в грязи, трясётся телега. На ней пулемёт и ДВА СОЛДАТА Корниловского полка. На сене неподвижно лежит ФЁДОР.

1-й КОРНИЛОВЕЦ. *По такой дороге когда ещё наших нагоним? Да и нагоним ли?*

2-й КОРНИЛОВЕЦ. *Да... Архангельский-то может и не доехать. Вон как трясёт...*

Телегу ещё раз подбросило. Фёдор застонал и открыл глаза.

ФЁДОР. *Где я?*

1-й КОРНИЛОВЕЦ. *Ну, очнулся! У своих ты, мы свои – корниловцы.*

2-й КОРНИЛОВЕЦ. *Свои, я – Прохоров. Помнишь, в разведке вместе были?*

ФЁДОР. *Как я здесь?*

2-й КОРНИЛОВЕЦ. *Ранило тебя. Всех раненых разместили по станциям кого куда: кого в школу, кого в сарай, кого в баню. Везти-то не на чем.*

1-й КОРНИЛОВЕЦ. *Мы в пулемётной заставе были, последними уходили. Проезжаем мимо школы, видим – человек лежит на ступенях.*

2-й КОРНИЛОВЕЦ. *Сначала и внимания не обратили: повсюду трупы валяются, и красные, и белые.*

1-й КОРНИЛОВЕЦ. *Потом я глянул, а погоны-то черно-красные – наши, корниловские.*

2-й КОРНИЛОВЕЦ. *Когда перевернули, я сразу узнал – Архангельский.*

ФЁДОР. *Мы что – отступаем?*

1-й КОРНИЛОВЕЦ. *Да уж... Прутом бревна не перешибёшь... Их вон сколько... Тысяч двадцать... А нас сколько? – Горсть...*

ФЁДОР. *Где генерал Корнилов?*

2-й КОРНИЛОВЕЦ. *Корнилов убит... Случайно... По-глупому...*

ФЁДОР. *А бригада генерала Эрдели?*

1-й КОРНИЛОВЕЦ. *Почитай, вся полегла...*

ФЁДОР. *А его ординарец, девушка, ординарец?*

1-й КОРНИЛОВЕЦ. *Баронесса?*

2-й КОРНИЛОВЕЦ. *Говорят, тоже пропала.*

Фёдор теряет сознание.

КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОЙ СЕРИИ